

Юрий Колкер
РУССКО-СОВЕТСКИЙ ОТВЕТ
(из переписки)

...Ты переслала мне письмо VS, ты уверяешь, что я просил об этом. Допускаю, что я просил; видно, почувствовал с твоих слов, что его письмо возмутительно и требует ответа.

Но, конечно, отвечать буду тебе, а не VS, письмо ведь пришло от тебя, ты с ним в переписке, и спор ваш [вокруг моей старой статьи](#) о пресловутом стихотворении Дегена *Валенки* возник по твоей, не по его или моей инициативе. Мы с VS спорили об этом лет этак десять назад, не сошлись ни в чём, охладели друг к другу, но не разругались. VS слишком много значил для меня в молодости, я любил и люблю его стихи начала семидесятых годов, ценю его ум, его дар и своеобразие.

Мы с ним спорили, повторяю, и каждый остался при своём, но особенностью этого спора было то, что каким-то непостижимым образом VS ни в чём не ответил на мои прямо поставленные вопросы, а вместо этого всё ходил вокруг них кругами, говорил околичностями.

Теперь — другое дело. В письме к тебе он свою позицию выразил так, что я её понял, — величайшее облегчение! Но что же это за позиция оказалась?!

Когда в конце 2019 года, на сетевых подмостках у Берковича, чернь вдруг ни с того ни с сего принялась бесноваться вокруг этой моей старой статьи об этом стихотворении Дегена, мне было только смешно. Передо мною воочию разворачивалось подтверждение того, что я говорю десятилетиями: 95% наших современников — недоумки. Ни образование, ни учёные степени ничего не меняют: люди попросту не умеют думать, им этого не дано от природы. Чуть в сторону от их символа веры, от их слепого, затверженного догматизма, — они в панике за топор хватаются. Они и мысли не допускают, что у других людей может быть другой символ веры.

Там, у Берковича, до анекдота доходило: от меня требовали признать величие Дегена, заурядного поэта-любителя, каковых многие тысячи; ещё смешнее: требовали извиниться перед лирическим героем его стихотворения, ведь Дегена-то я ничем не обидел, достойным человеком назвал. На этих подмостках почти слово в слово повторили формулу «советской общественности», травившей Пастернака: «Я этого автора (меня) не читал, но вместе со всеми его осуждаю».

Ни на крохотную секунду не возникло у меня потребности объясняться с людьми столь недалёкими. Иное дело VS, человек думающий и творческий. Его доводы хоть и не совпадают с бранью читателей-писателей у Берковича, а всё же в чём-то близки к ним. Давай ещё раз вместе взглянемся в сказанное им. Знаю, что ты на моей стороне, но некоторые вещи нужно как следует артикулировать — не ради тусклого сознания погромщиков, а для себя, ведь написать значит понять, и для наших литературных друзей; пусть достойные люди ещё раз прочтут мои простые соображения; пусть взвесят их и возразят мне, если я не прав. Они-то знают, что я пишу не ради известности среди недоумков, а от потребности *понять* себя и других. Не написанное — не понято.

Итак, что же пишет VS? Ты напомнила ему, что всюду следует отделять автора от лирического героя, в том числе и в этих гадостных стихах:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей,
Дай-ка лучше погрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки,
Мне ещё наступать предстоит...

— ты сказала: танкист Деген не снимал валенок с несчастного, а перепоручил это своему лирическому герою. VS отвечает: «какое может быть разделение автора и героя *лирического* стихотворения? Лирическое — оно ведь потому и лирическое, что нет и не может быть там разделения на автора и героя...».

Это, сама видишь, ребяческая ошибка. Человек не может выразить себя целиком в конечном числе слов, он выражает текущее переживание, — понятие лирического героя как раз и потребовалось для того, чтобы указать на это. Дистанция между автором и его лирическим героем может быть велика или мала, но она неустранима. Понимание движется сближением, сопоставлением, аналогиями (Аристотель говорит ещё резче: подражанием). Чтобы понять Онегина или Мазепу, нужно примерить на себя их судьбы, стать на минуту ими, — оба они, Онегин и Мазепа, нужны поэту, чтобы понять

себя. Человек никогда не равен себе при жизни, у великих бывают низкие минуты, у ничтожных — высокие. Если бы дистанции не было, поэту не было бы нужды писать два стихотворения или двести стихотворений: он преспокойно высказал бы себя в одном. Но такого не бывает; никто из живущих никогда не сыт в процессе самовыражения, который и есть жизнь. Потому-то в числе свобод лирического поэта давно отмечено его неотъемлемое право противоречить себе.

VS продолжает:

«Юра (сугубо в данном конкретном случае) пишет и судит о вещах, которых не знает и не понимает... более того, в которые и не хочет вникнуть...»

Это обвинение я нахожу, во-первых, пустым, неосновательным, а во-вторых — оскорбительным. Как VS решается произнести такое? Что за спесь? Как это я не хочу «вникнуть», когда я одним только этим и занят в каждом из моих сочинений?

Наш давний спор с VS на таких вот его утверждениях обычно и обрывался. Я умолял его: скажи, дорогой, чего именно я не знаю и не понимаю, помоги мне поумнеть, ведь мы не чужие; думаешь ли ты, что я не знаю и не понимаю стихов? — и ни разу я не получил от него прямого ответа на такие прямо поставленные вопросы, вместо ответов шли околичности и увёртки.

Но в письме к тебе его, наконец, прорвало. Он пишет:

«Понимаешь, все настоящие участники войны, с которыми я лично общался, про войну вспоминать очень не любили... и рассказывать про нее тоже, но если их все же удавалось хоть как-то разговорить, то общим знаменателем их рассказов было простое: война — это кровь и грязь!»

По мне — эти слова VS ещё одно оскорбление, и почище первого. Ты подумай только: VS объясняет нам, тебе и мне, что Волга впадает в Каспийское море! Вот, оказывается, чего я «не знал и не понимал!» Спрашивается, отчего же он так невысоко ценит мои (да и твои) умственные способности, мой (и твой) душевный опыт?! Отчего десятилетиями общается с такими людьми? Про ветеранов напомнил, добрый человек! Доверительно разъясняет нам общее место как откровение! Ведь он, в сущности, говорит нам, что мы глупы, разве нет? Кем нужно быть, чтобы не знать, что эта война, ни на секунду не бывшая ни великой, ни отечественной, с первого до последнего дня была для Совдепии грязью и позором?

Но пусть мы не знали; пусть мы глупы. Я говорю в моей старой статье, что лирический герой стихотворения Дегена — подонок, мародёр, что он отвратителен, а VS наставительно возражает мне: «ты не понимаешь: война — это кровь и грязь!» То есть я говорю человеку: А равно Б, а он отвечает мне, что я старушку топором зарубил и столовое серебро украл. В огороде бузина, в Израиле дядька. При чём здесь я с моим непониманием войны? Забудь обо мне, опровергни мой довод! Ведь это русско-советские начётчики всегда так поступают: в споре, не умея опровергнуть другую сторону, на личности переходят. Как достойный и умный VS оказался с ними? Пусть я глуп и на руку не чист — от этого моё суждение ещё не полиняло ни пёрышком. Вот если ты думаешь, что А не равно Б, тогда другой разговор, — покажи это, сделай несомненным или хоть выскажи. Напиши открытым текстом, что герой Дегена ведёт себя правильно; объясни мне-дураку, почему он не мародёр, а доблестный воин. Я с готовностью признаю мои ошибки, я счастлив сегодня понять то, чего вчера не понимал: не поленись, объясни мне мою неправоту, — я тебе ноги обниму.

Лишь после этих пустых слов VS подходит к сути дела:

«...война — это кровь и грязь! И в немногих строчках именно это выразил Деген, совсем молодой еще парень, ни у кого не заимствуя (не у кого еще было) и придя к этому пониманию вполне самостоятельно и не имея возможности осмысления явления на некотором расстоянии...»

Как хочешь, дорогая, а по мне и это возмутительно. С кем VS спорит? Разве я не согласен, что Деген показал кровь и грязь войны? Разве я *это* отрицаю? Деген показал эту грязь, притом изнутри, вывел и показал крупным планом негодяя; но в этом показе как таковом ещё нет никакой ценности: ни новых сведений, ни художественных открытий. VS говорит, что Деген тогда был молод и сам понял страшную правду этой грязной войны, хвалит Дегена за это (и я похвалю), — но разве те самые участники войны, ветераны, с которыми VS беседовал, в чём-то уступают Дегену? Ведь и они поняли! О чём у нас речь, в конце концов? Не о стихах ли? Почему VS подменяет разговор о стихах разговорами о

войне? Я утверждаю в моей давней статье, что по фактуре стиха, по качеству текста стихотворение Дегена — во всех отношениях среднее (другие его стихи в своей массе совсем плохи, но я о них не пишу); что оно — ватерлиния приземлённой, плоско-материальной советской поэзии, стандартный соцреализм, оказавшийся, правда, неудобным Кремлю, но по всем прочим показателям не лучше и не хуже стихов евтусенских. Почему VS так равнодушен к логике? Скажи он мне или тебе, что стихотворение Дегена превосходно или хоть выше среднего, — тут было бы возражение, тут был бы спор. Но ведь он нигде, ни в давних письмах ко мне, ни в теперешнем к тебе — этого не говорит! Добросовестно ли уклоняться от прямой постановки вопроса и прямого ответа на поставленный вопрос? И причём здесь возраст автора? Война делала детей взрослыми в одночасье.

Что я говорил тогда, то скажу и сейчас: по своему исполнению стихотворение Дегена ничем не замечательно, серединка на половинку, это — Евтушенко или Дудин, не выше, а по своему наполнению оно отвратительно, потому что его герой в изображаемую автором минуту — гнусен, подл. *На этом стою и не могу иначе*. Повторю и другие слова Лютера: истина нелюбима. Вопрос о том, в какой мере лирический герой стихотворения Дегена близок к Дегену-человеку, в тот ли день, когда стихи были сочинены, или на протяжении всей жизни Дегена, — этот вопрос совершенно отдельный, он, этот вопрос, в той давней моей статье 2006 года во всей своей полноте отнюдь не поставлен, а лишь затронут. Я не пишу о Дегене, я не пишу о войне, эти две темы составляют лишь фон моего разбора одного отдельно взятого посредственного стихотворения. Смешно, что VS не в состоянии увидеть этого. Смешно напоминать математику, что любая задача решается в своих начальных условиях.

Но допустим на минуту, что VS хвалит стихотворение Дегена; истолкуем его околичность («в немногих словах выразил... кровь и грязь войны») как похвалу. В конце концов VS ведь возражает мне, а моё главное утверждение — что стихотворение Дегена ничем не замечательно. Тогда получится, что VS хвалит Дегена за то, что тот показал «правду жизни», ведь так? — то есть за его, Дегена, неприкрытый социалистический реализм.

В таком случае я скажу VS, что это он не понимает стихов. «Правда жизни» и правда поэтическая далеко не одно и то же. Величайшие творения поэзии, будь то *Inferno*, *The Tempest* или пушкинский *Пророк*, никакой обыденной жизненной правды не выражают, там всё — вымысел, но этим вымыслом они выражают правду более высокую: поэтическую. Поэзия на тысячелетия старше прозы, она вышла из алтаря как высокий языковой строй, поднимающий человека над собою, над обыденностью, приближающий его к божественному. Никто и никогда этого первейшего и главного назначения поэзии не отменял. Отменить его можно только вместе с поэзией (к чему дело и клонится). Для правды обыденной, тутошной, были придуманы другие языковые формы: роман, повесть, рассказ, очерк, фельетон, протокол, донос...

И с прозой, к слову сказать, не всё так просто; миф и легенда ближе к поэзии, чем к «правде жизни». Нет на свете ничего поэтичнее *Ундины*, недаром десятки поэтов, включая Байрона и Жуковского, переложили эту вещь стихами. И о *Тристане и Изольде* можно вспомнить... — а ведь всё это вымысел, никакой «правды жизни»!

Можно, между прочим, не ходить так далеко за примерами, можно и без мировых классиков обойтись. Берём блокадное стихотворение Владимира Лифшица, ты знаешь, о чём и о ком я говорю, — там отец приносит с ленинградского фронта свой паёк голодающему ребёнку, семилетний сын в присутствии отца, но *тайком* отдаёт паёк матери, которая уже просто умирает от голода, лежит и встать не может, она же — тоже *тайком* кладёт хлеб в сумку возвращающемуся на фронт мужу. Ситуация здесь лишь внешне правдоподобна, а по сути своей почти столь же фантастична, как в *Буре* или *Пророке*, не говорю уж в *Inferno*. Перечитай эти стихи, да и корреспонденту своему посоветуй перечитать. Всякий увидит, что эти стихи фактическая ложь, а вместе с тем — высокая поэтическая правда:

Но не знал лейтенант семилетнего сына.
Был мальчишка в отца — настоящий мужчина!
И, когда замигал догоревший огарок,
Маме в руку вложил он отцовский подарок.

Над этим стихотворением, как мне хорошо известно, плакали те самые ветераны войны, о которых говорит VS, — люди, прекрасно понимавшие, что война это кровь и грязь. Правду сказать, и меня слёзы душат над этими простыми словами, а ведь я знаю кое-что не совсем лестное о людях, послуживших прототипами «мальчишке» и «маме», и о блокаде знаю такое, перед чем эпизод, описанный Дегеном, кажется примером человеколюбия.

Так что странная выходит у VS похвала, если допустить, что это похвала.

Ты, я знаю, поправишь меня, ты скажешь, что поэзия, возникнув как молитва, затем спустилась на две ступеньки: до сатиры и юмора. Верно, третий штиль ещё поэзия, хоть и приниженная. Но ведь и гнев, и шутка укладываются в определение поэзии: они тоже отрывают нас от печного горшка, поднимают над насущным. А у героя стихотворения Дегена, если даже забыть о его предательстве товарища, всё сводится к печному горшку, к выгоде и корысти, прикрытой патриотическим возгласом (Интересно, пригодятся ли ему выморочные валенки, если придётся отступить, а не наступать?) Лирический герой спешит поживиться на смерти товарища, упивается своею жестокостью, бахвалится ею, ёрничает над умирающим — и показан без тени осуждения. Стихотворение описывает и воспекает низость. Это — полная и окончательная измена поэзии.

VS продолжает:

«Кстати, громили Дегена лит.генералы именно за то, в чем его Юра попрекал — за пресловутое мардерство. Юра не был нов "в смысле того" ...»

Да-да, это VS именно *кстати* сказал, к слову, в пандан к тому, что мною сейчас сказано: верное суждение может исходить и от чудовища (я с самим Гитлером согласен в его суждениях о так называемом авангарде в искусстве). Никто не упрекнёт меня в симпатии к Совдепии и её генералам. Передо мною стихи — и я критикую их как стихи. Делаю это от душевной потребности, от потребности понять и взять на себя ответственность за понятое.

А вот о новизне VS *некстати* пишет. Мог бы помнить (ведь мы полвека знакомы) не раз мною сказанное: новизна в искусстве эстетически нейтральна, она не к эстетике в человеке взывает. Конечно, это всего лишь мелкая бестактность со стороны VS; она сущий пустяк рядом его доверительно-барственным «понимаешь» о ветеранах и о грязи войны, где он тебя и меня за парту посадил. Но она, эта бестактность, отдаёт равнодушием. Кажется даже, что он ищет случая задеть нас.

Однако ж дело не в нас, а в нём. Для меня, ты свидетельница, не было человека более чистого и достойного, чем VS. Ни его ум, ни его совесть я никогда не ставил под сомнение, — и вот он умудрился заблудиться в трёх соснах, в деле столь несомненном как эстетическая и нравственная оценка стихотворения Дегена, а на довод «дважды два четыре» — дать стандартный русско-советский ответ: «Сам дурак!» Как хочешь, а я вижу одно: тут сказалась среда обитания, пресловутая родина в лице тех, кто пишет это слово с прописной буквы. Живя в грязи, невозможно не запачкаться, будь ты хоть святой.

Горько и обидно за человека.